

ИСТОРИЯ КАК КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО КУЛЬТУРЫ

(А.В. Михайлов, «Из истории “нигилизма”»)

Работа «Из истории “нигилизма”» была написана в 1994 году – это время, когда А.В. Михайлов постоянно и в разных своих текстах (основной из них – «Несколько тезисов о теории литературы»¹, 1993) говорит о кризисе современного научного знания – об эклектизме, позитивистских тенденциях, неоправданном распадении науки на теорию и историю литературы и, главное, – об утрате веры в научную достоверность принципов исследования и получаемых результатов. Задача настоящего – уже не накопление нового знания, а самоанализ, самоосознание науки; ее обращение к самой себе и собственным основаниям. Определяющий предмет исследования в свете такой задачи – «ключевые слова культуры». Им и посвящена работа «Из истории “нигилизма”». Почему в ситуации кризиса нужно изучать «ключевые слова», что это означает в методологическом плане, каким образом так понятая предметность исследования должна содействовать разрешению кризисности научного сознания и мышления, и почему прежде всего рассматривается «нигилизм» – вопросы, которые ставит перед нами данная работа А.В. Михайлова.

Те, кто писал о Михайлове, не раз отмечали, что понять его мысль не так легко: «Свойство мыслительного избытка сказывалось как чувствуемые при чтении сверхнапряженность и перегруженность смыслом и материалом, которые не удерживаются в границах этого текста, и он выходит из берегов и нуждается в продолжении, дополнении и развитии в виде новых текстов»². Работам Александра Викторовича присуща особая устроенность, когда проблема, над которой он размышляет, получает обоснование в другом тексте – не в том, где она ставится и решается. По

отношению к работе «Из истории “нигилизма”» представление о контексте важно по существу: в 1993 году выходит сборник работ М. Хайдеггера в переводах Михайлова, среди которых – текст «Слова Ницше “Бог мертв”», примыкающий к большой работе Хайдеггера «Европейский нигилизм» (в Германии опубликована в 1967, русский перевод В. Бибихина появился в том же 1993 году, что и сборник переводов Михайлова). В эти же годы Михайлов занят переводами Ницше. По словам С.С. Аверинцева, «тема А.В. Михайлова, таившаяся за всем разнообразием его конкретных тем, сообщавшая его трудам – единство поверх всех границ научных дисциплин, а его облику – черту внутренней боли... была связана с проблемой нигилизма...»³. Смысловую связь между «темой нигилизма» и проблематизацией «ключевых слов культуры» помогают выявить два текста, помещенные А.В. Михайловым в книгу его переводов Хайдеггера: «Вместо введения» и послесловие «Martin Heidegger in unserer Zeit». Здесь, а не в самой работе «Из истории “нигилизма”», обосновывается переход к «ключевым словам» как к актуальной, насущной предметности литературоведческой науки.

В Предисловии философия М. Хайдеггера раскрыта как целое. Все его основные труды, их темы и принципиальные положения указаны и охарактеризованы, прежде всего, понятие «Бытия-здесь». Но в центр внимания поставлен один текст – «Проселок», небольшой автобиографический рассказ Хайдеггера, в котором А.В. Михайлов видит всю суть бытийного мышления Хайдеггера: человек – это место-в-бытии, он «не безместный и не безродный», а пребывает в целостном историческом мире, где «правит взаимопринадлежность» между земным и небесным, Богами и людьми. Среди всех включенных в сборник работ центральной является «Исток художественного творения» (1936) (дан параллельный оригиналу перевод) – именно в ней художественное

произведение выступает как часть неразрывной исторической целостности, образуемой его «миром» и «землей».

Рассказ старого человека о возвращении домой, под родной кров («Проселок») – своего рода исповедь того, кто заблуждался и ошибался, покидал отчий дом и странствовал на чужбине, но вернулся домой и этим обрел мудрое единство с окружающей действительностью и свое место в ней.

Целостный исторический мир, со своей внутренней смысловой взаимосвязью всего к нему принадлежащего – это представление для Михайлова, с шестидесятих годов захваченного бытийным мышлением Хайдеггера, во многом формировало его исследовательские принципы и онтологический подход к художественному произведению. Произведение виделось ему как «место», топос в историческом мире своей культуры; культура эпохи – как целостное историческое пространство со своим особым «языком» («Стиль и интонация в немецкой романтической лирике», «Поэтика барокко: завершение риторической эпохи», «Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века»). Но далее в своем Предисловии, в разделе «Хайдеггер и Ницше», Михайлов обращается к проблеме, которая колеблет этот образ целостного исторического мира. «Дело всей поздней философии Хайдеггера» – «понять отсутствие Бога в его внушающей ужас абсолютности», и в то же время – понять это «отсутствие» как присущий Богу способ бытия». Хайдеггер называл такой способ бытийствования *Fehl der heiligen Namen*, «Нетость священных имен». «Нет видимого бога, который неопровержимо собирал бы к себе и вокруг себя людей и вещи и мировую историю... Блеск божества во всемирной истории погас»⁴.

И все же Бог в своем «отсутствии» продолжает присутствовать для Хайдеггера; это его способ бытия – в утаенности и сокрытости (*verborgen*,

verhüllt), что по-своему гарантирует миру исторического совершенства сохранность и целостность.

Этот мотив отсутствия Бога в истории служит переходом уже к нашим дням, к нашему настоящему в Послесловии, написанном по-немецки и адресованном тем самым уже не каждому читателю, а германистам и литературоведам. «Unsere Zeit», «наше время» – совсем другое, чем время Хайдеггера. Мы живем в абсолютно другом мире, где нет взаимоотношенности вещей и где у человека нет места-в-бытии. В отличие от эпохи Хайдеггера с ее доверием к бытийной истории, от нас история уходит, ускользает: «die Geschichte entgleitet uns». Тема истории в этой работе – основополагающая. Она звучит в разных работах А.В. Михайлова девяностых годов («Отец Павел Флоренский как философ границы», «Об одной позднепросветительской утопии», «Ангел истории изумлен...»), в которых история постигается как катастрофа. По убеждению Михайлова, которому он никогда не изменял, наше место в бытии, состояние научного мышления, его возможные в дальнейшем пути – все зависит от того, что есть история для нас, история не в концепциях и не в теориях, а в нашей жизни. Позиция жизни – главная для мыслящего человека (der Denkende), в ее свете Михайлов говорил о Проселке и философии Хайдеггера в целом, и эта же позиция «жизни» задает тональность и содержательные акценты в Послесловии.

Тональность – трагическая (но последнее слово текста – Hoffentlich!): она свидетельствует о полном разрыве с верой в целостность исторического совершенства, и как следствие – с онтологическим подходом к произведению и культурной эпохе. Это прощание с Хайдеггером; но и прощание, расставание с самим собой, с прежними методологическими ориентирами. Отказ от них неизбежен, поскольку сегодня уже нет для них опоры и основы: утрачена вера в историю как становление исторических смыслов. «История ускользает от нас», – говорит А.В. Михайлов, – и

может случиться так, что за одну ночь мир превратится в почти незнакомый для нас⁵. Человек уже не вписан в свой мир с той органичностью и естественностью, которая открывалась Хайдеггеру с его доверием к историческому бытию. А для нас, в нашей жизни – что такое история?

Для науки сегодня, полагает Михайлов, это самый важный вопрос. Наука о литературе и о культуре есть «мышление истории»⁶, вне нее она просто не может существовать, потому не может и обойти эту проблему. Пока у нас (wir – слово, которое Михайлов специально оговаривает) нет позиции по отношению к миру как истории (Einstellung der Welt gegenüber), «человечество стоит перед угрозой самоубийства, и только медлит, выбирая для этого наиболее подходящий способ»⁷.

Традиция, – говорит исследователь, – доносит до нас два пути мыслить историю. Один означает предаться ее воле, которой всецело подвластен человек. Это онтологическая философская традиция – Хайдеггер, в Предисловии названы также имена Флоренского и Вернадского. Второй путь – планировать историю, взять управление ею в свои руки. Он основан на вере в методы как гарантию научности познания и его достоверности. Но ни тот, ни другой путь «нас больше не удовлетворяют», ведь доверие к истории как совершению смыслов утрачено, и мы не можем больше «на нее положиться», а «планирующее сознание» – это «идеологическое самоутверждение человека»⁸, и оно оставляет после себя лишь руины и развалины. «Все попытки управлять историей провалились», и «перед лицом всех погибших и всего погибшего» нужно отказаться от субъективного самовластия человека по отношению к истории. То есть, применительно к науке, отказаться от веры в метод как голую теорию, от построения идеологических концепций истории; собственно от ее «объяснений» на «идейном» уровне, когда даются дефиниции истории и формулируются ее «законы», например,

такой: «история есть процесс развития». Мы должны, полагает Михайлов, напротив, признать свое не-знание: «Unser Wissen ist Stückwerk»⁹ – признать, что наше знание – только клочки; не концепции и не системы, а фрагменты, отрывки.

Нужно выйти в «поле дометодологического»¹⁰, – писал Михайлов в работе «Несколько тезисов о теории литературы». Тогда не себя, не свою субъективность будет утверждать исследователь, а появится другая – пока еще не реализованная возможность. Лейтмотив здесь – «Wir wissen weder ein noch aus». Дать однозначно правильный перевод этих слов сложно, что Михайлов, безусловно, имел в виду. «Мы не знаем ни входа, ни выхода; мы пребываем в растерянности; мы не знаем, что нам делать с нашим знанием» – вот это и есть наша потенциальная позиция по отношению к истории, и признание не-знания («Незнание – сила», говорит Михайлов) уже открывает перспективы современному научному мышлению. В тупик и кризис науку завела вера в «свое» знание, оправданность которой не выдерживает никакой проверки жизненной исторической реальностью. Ускользает и уходит та история, которая казалась понятной и объяснимой; сегодня все происходящее говорит о необъяснимости истории, о недоступности ее для нас и нашего опыта, или, скорее, говорит о фатальном несоответствии наших представлений об истории и происходящего. «Субъективность» загнала в пропасть, Abgrund der Wesenlosigkeit, – привела к утрате почвы под ногами, к разрыву с историей, и сегодня мы – «существа без сущности». Отказ от «своего» как позиции знания в пользу «не-знания» (Nicht-Wissen) означает, что можно говорить и высказываться не самому, а передать слово более Знающему – Другому, Иному.

DAS ANDERE – вот к чему должно быть направлено все наше внимание и исследовательские усилия, и самая пристальная работа мысли: не на «свое» – не на «наше» видение эпохи, произведения или законов

литературы, а на «иное». Что это означает, Михайлов передает метафорой, приводя описание Т. Адорно исполнения камерных музыкальных произведений: «Man spielt nicht so sehr den eigenen Part, sondern hört mehr auf die Anderen, man exhibiert sich nicht, sondern verliert sich an das Zusammenspiel, verliert sich im Hinhören auf die Anderen, und so entsteht das Zusammenwirken, in dem das Ich zurückgedrängt wird, zugunsten der Anderen, auf das ihm zukommende Maß»¹¹. Участник квартета ведет не столько свою партию, сколько слушает Другого; показывает не себя, а вслушивается в исполнение других, и тогда возникает взаимодействие и рождается произведение.

В финале Послесловия цитируется Хайдеггер: «Философия не может изменить мир. Это зависит не только от философии, а от всех человеческих помыслов и стремлений. Разве только Бог может нас спасти»¹². «Бог» как спасение метафоризирует поиск основания мысли, задающего достоверность научному знанию. «Умерший Бог» и нигилизм раскрываются тем самым как положение наших собственных дел в современной ситуации науки – экзистенциальной ситуации, то есть такой, в которой нельзя отсидеться, сложа руки, а необходимо искать выход и путь.

Именно поэтому и нужно было прежде всего написать о нигилизме: он касается «всех нас» и в нем «все мы стоим»¹³, как сказано в работе «Из истории “нигилизма”», где Иное, Другое – уже не метафора, а методологический ориентир, реализация пути научного исследования на уровне его нового предмета – «ключевых слов культуры».

Следует оговорить понятие новизны по отношению к «ключевым словам» как предмету науки. «Слова науки» и историю понятий изучали, конечно, и до Михайлова: А.Ф. Лосев, на терминологических изысканиях которого А.В. Михайлов специально останавливался¹⁴; это принципиальный исследовательский прием в немецкой философской

герменевтике. Но в работе Михайлова есть содержательное методологическое отличие от М. Хайдеггера и Г.-Г. Гадамера в трактовке ключевых слов науки. В их трудах в соответствии с собственными научными задачами исследователей подчеркивается возрастание смысла в понятии, его развитие и содержательное углубление¹⁵, тогда как для Михайлова важнее противоречия смыслов при их пересечении – и в слове, и в фиксируемом этим словом феномене культуры. «Чужое» в герменевтике, понятое на уровне восприятия философского или художественного текста в его «тотальной опосредованности» по отношению к жизни, призвано стать «своим». «Чужое» в слове и в произведении должно быть преодолено, и это преодоление гарантировано пониманием языка как «дома бытия». Совсем иначе у Михайлова: в современной ситуации «безродности» и «безместности» «чужое» как Иное, наоборот, должно «выступить во всей своей инаковости». Речь здесь не о разных толкованиях общего подхода к одному предмету, а о принципиально различном понимании предпосылок и оснований науки о культуре.

Итак, обращение к Иному и вслушивание в Иное – это знаки для путей науки на новом этапе мысли А.В. Михайлова. Готовность встретиться с Иным означает необходимость отказаться от «своего». «Нужно рассматривать все бывшее в первую очередь как другое, – иное, нежели наше, и тогда все должно измениться», писал он Самсону Наумовичу Бройтману (письмо от 8 декабря 1993 года). **Как можно уйти от «своего» и что при этом изменяется – какое Иное тогда становится доступным? Как раскрывается творческая потенциальность позиции не-знания?**

Прежде всего, рассмотрим, что выясняется в работе «Из истории “нигилизма”» собственно о нигилизме, и второе, каким образом это осмысление нигилизма осуществлено.

Работа состоит из семи разделов. Первые три посвящены «ключевым словам» как предмету исследования; тема четвертого и пятого разделов – Жан-Поль и Фихте; шестой озаглавлен «Нигилизм как русско-немецкая тема», и здесь главные действующие лица – известный русский критик Н. Надеждин и его современники; в седьмом разделе рассматривается повесть К. Гуцкова «Кольцо, или нигилисты». Последняя страница посвящена роману Тургенева. В ходе изучения проблемы выясняется следующее: 1) нигилизм как философия Ничто впервые обозначен, «сделан мыслимым» в творчестве Жан-Поля, в его «Речи мертвого Христа с вершин мироздания о том, что Бога нет» (конец 80-х годов XVIII века). 2) В Россию доносятся отголоски этого трагического текста в 1829 году – как фарс и сатира в статье Н. Надеждина «Сонмище нигилистов». Восприятие Надеждина во многом предопределило русскую рецепцию образов Жан-Поля (Белинский, Добролюбов, Чернышевский). 3) Слово на протяжении более чем полувека претерпевало резкие переосмысления – от теоретического понятия шло к обозначению сугубо практических жизненных принципов, от негативного – к позитивному смыслу (Герцен), чтобы стать предельно амбивалентным у Ницше. 4) Гуцков в самом начале пятидесятых годов, то есть явно до написания тургеневского романа, в своих «Нигилистах» уже показал девять смыслов нигилизма, которые позднее выскажет и автор романа «Отцы и дети» – выскажет, полностью «забыв» всю предшествующую историю «нигилизма».

При всевозможных и крайних переосмыслениях слово на имплицитном уровне тем не менее сохраняет свое смысловое ядро: нигилизм – это всегда «безосновное самополагание». Признавая только одну, «посюстороннюю» действительность, нигилизм все основывает на самом себе и только на «своем». А это, пользуясь формулировкой Михайлова, уже «можно принять к сведению»: оказывается, нигилизм – нечто значительно более широкое и могущественное, чем то, что

фиксируют его концепции («идеология разночинной демократии»; «переоценка ценностей», атеизм и проч.). Это принципиальный отрыв от традиции и от истории и обращение исключительно к «своему» и от себя постулируемому мышлению – «субъективизму». Так открывается, что исторические корни нашей современной нигилистической ситуации лежат в очень далеком прошлом, и их выявление делает сегодня возможным контроль над «субъективностью» как нигилистической установкой.

Итак, о нигилизме сказано нечто существенно новое, и новое знание получено¹⁶ – благодаря тому, что изучалась не «идея» и не концепции нигилизма, а «культурный феномен», закрепленный словом, через прослеживание судьбы этого слова в культурном сознании рубежа XVIII–XIX веков и первой половины XIX века. Это новое и есть Иное: найдена не еще одна концепция нигилизма у какого-то автора и не придумана, не выдвинута еще одна концепция нигилизма самим исследователем, а выявлено имплицитное, скрытое в слове его ключевое значение – ключевое в том отношении, что способно задать новую методологическую перспективу.

Как это знание было получено? Это уже вопрос о научных принципах проведенного А.В. Михайловым исследования и о применимости его аналитических приемов, о том, чему можно научиться здесь, коль скоро ситуация кризиса касается всех нас, и не признать, что современный нигилистический опыт истории заставляет иметь его в виду, уже невозможно. На наш взгляд, путь изучения и раскрытия Иного в работе «Из истории “нигилизма”» указывает на следующие теоретико-методологические моменты.

1. «Наука с ее продвижением вперед, – говорит А.В. Михайлов, – состоит не только и не столько в накоплении знания, сколько в анализе своего самоосознания и степени способности к таковому, а ключевые слова культуры есть элементы ее самоуразумения»¹⁷. Сегодня «сама

проблема нигилизма в нашем современном сознании все более накаляется – и есть шанс идти более конструктивными путями ее рассмотрения», поскольку «теоретически ориентированная наука о литературе» ощутила свою «зависимость от знания *ключевых слов* культуры» в «их конкретной истории». При этом «познание истории есть не познание «самих» «исторических действительностей»... но познание *языков самоосмысления* культуры», а у ключевых слов «роль носителей такого осмысления»¹⁸. Ранее «наука рассматривала «нигилизм» в рамках чисто идейной истории»; в работе Михайлова изучаются не факты «знания» науки, не идеи нигилизма и не его оценки, а история слова и заключенное в слове «пред-знание», что позволяет уйти от представления об истории как процессе развития. Нужно «прислушиваться к *слову* и доверять ему и меньше полагаться на себя и наше знание»¹⁹.

2. Для обретения конкретного и достоверного знания исследователь должен занять дистанцированную позицию – признать историческую дистанцию между собой и тем, что он исследует. Наука «от души сопереживала авторам прошлого», «прибавляла к их ламентациям столь же искренние свои», и в итоге феномен трактовался безбрежно, что оборачивалось «неисторичностью подхода». А нигилизм – «уже разыгранная в истории» драма; и к себе мы могли бы относиться как к чему-то «историческому»²⁰.

3. Смысл слова, который предполагается искать, понимается широко и пространственно. «Слово... самозарождается на безымянном перекрестке различных смыслов, – слово и создает этот перекресток, это пересечение смыслов... и держит его в своей власти». А мы находимся на «площади смысла»²¹.

Пространственная метафора у Михайлова всегда несет в себе методологические импликации («Герой нашего времени и историческое мышление формы», «Гоголь в своей литературной эпохе»). Смысл слова,

понятый и увиденный как перекресток, где сходятся самые разные улицы, требует выявлять не столько сходные, сколько крайние, предельные и противоположные значения и конфликтные столкновения смыслов. Эта максимальная широта и контрастность позволяет не сглаживать прошлое и не сводить его в «идею», где по сути уже потеряно все исторически реальное, а «открывать вид» на это реальное в его конфликтности и противоречивости. Тогда действительно выступает не какое-то одно из значений слова, а собственно культурный феномен нигилизма в его исторической жизни. И на этом «просторе» уже видно, что меняется в слове, а что при всех резких переосмыслениях остается по существу неизменным и являет поэтому саму суть нигилизма. «Безосновное самополагание», представшее Жан-Полю как трагедия и ночной кошмар, обнаруживается и в очень веселой, как казалось ее автору, сатире Н. Надеждина, и в философской работе Маркса и Энгельса «Святое семейство», и в других текстах.

4. Пространственность видения «нигилизма» как культурного феномена, противопоставленная «линейному» взгляду на развитие и обогащение одного и того же смысла слова, означает и то, что учитываются по возможности все национальные формы рецепции в самосознании культурной эпохи: немецкая, русская, французская. Принимаются во внимание и различные эстетические ее формы, и их очень разные авторы: писатель, создавший «нигилизм», критик, его интерпретирующий; философ, продумывавший Ничто (Якоби, Фихте, Гегель, Баадер), и художник, его увидевший и изобразивший (К.Д. Фридрих).

5. При этом исследователь предельно внимателен к существенности своеобразия каждого текста. Оно не нивелируется для нахождения некоего «общего итога», а выступает в своей самобытности и содержательной исключительности. Одна из методологически оговоренных А.В.

Михайловым проблем – это необходимость «отказаться от институционализированных форм» нашего знания, – от такого «своего», как привычное жанровое разделение произведений по рубрикам «философия» и «литература». Такой отказ позволил А.В. Михайлову раскрыть философскую новизну в творчестве Жан-Поля, главного героя этой работы, первым в истории культуры показавшего «мыслимость мира без Бога» и «экзистенциальное отчаяние человека». Михайлов продолжает традицию, заложенную в нашей науке М.М. Бахтиным, но по существу не получившую методологического развития: писатель как философ не должен рассматриваться как иллюстратор чужих идей или их изобретатель; его философия выявляется не на уровне содержания произведения, а в структуре художественного сознания автора. И здесь также требуется уйти от сложившихся установок «своего» и не разделять в произведении его «содержание» и «форму». «Мы до сих пор все еще с известным трудом продолжаем осваиваться с тем соображением, что поэт может быть не менее глубоким мыслителем, чем философ, а также и с тем, что никак не следует смешивать институционализированную форму философии, влекущую за собой известные приемы изложения философии, и форму самого философствования»²².

6. Явление прошлого понимается исходя из оснований своей эпохи, а не из современных представлений о ней. Михайлов характеризует две фазы в культуре XIX века, закономерно приведшие к «нигилизму»: субъективизм в философии начала века и реализм как убеждение в том, что действительность «непосредственно дана», во второй половине столетия. Человек уверовал, что «непосредственно данное», то есть сама действительность, и понятна тоже непосредственно, она не нуждается ни в каких усилиях для своего понимания: так все стало «своим».

7. Тем самым «безосновное самополагание», нигилизм, раскрывается как последовательно и незаметно утверждавшаяся в самопонимании

культуры легитимация «своего». Потому непосредственности восприятия противопоставлено **«опосредование»** – ключевое исследовательское понятие в работах А.В. Михайлова, призванное поставить «свое» под контроль. «Ключевые слова культуры» в их истории, с их меняющимися смыслами, как предмет науки и фиксируют эту направленность мысли от «своего» к «иному», поскольку указывают на слои и пласты опосредований смыслов между современным значением слова, представляющимся «непосредственно верным», и его конфликтными историческими превращениями.

8. Той же цели отделения «своего» от Иного служит направленность внимания на особенности русской ментальной традиции. Нельзя не заметить в разворачивании истории «нигилизма» в этой работе А.В. Михайлова, что русскому сознанию присуще «забывать» историю и настаивать на личных сиюминутных оценках, не чураясь «низких и грязных приемов». Когда Н. Надеждин в Пушкинскую эпоху сетует на то, что «русская литература вдовствует», а «Граф Нулин» – «сплошные нули», это говорит об установлении неписаных правил русской журналистики. «Критик всегда прав» – это убеждение, сказано в работе, – наше национальное достояние; как и «другая русская черта, к которой «приговорены и все мы»: *«отыскивать что-то светлое внутри... литературной грязи»*²³.

Речь, конечно, идет не о том, что мы можем перестать быть русскими в своем мировосприятии или что нужно этого захотеть: дело в необходимости контролировать «операцию обратного проецирования», что при внимании к этому аспекту национального самосознания становится возможным.

9. И последнее, о чем представляется важным сказать, хотя данная тема в этой работе А.В. Михайлова возникает лишь косвенно – это тема «Непостижимого»²⁴. Взять «свое» под контроль можно и тем, что

признаешь свое не-знание буквально: признаешь, что есть такие вещи, которые непознаваемы для нас и вообще никогда не могут быть познаны. Отделить «свое» от Иного тем, что осознаешь пределы «своего», и означает такое признание. Нужно быть готовым к встрече с Иным в пространстве того, что нам неизвестно совсем. В работе «Из истории “нигилизма”» тема «Непостижимого» актуализируется в связи с Т. Фонтане. В самом конце XIX века в книге мемуаров, посвященной сороковым годам, он упоминает о «русском нигилизме». То есть в Германии знали о нем чуть ли не за двадцать лет до романа Тургенева! Но на сегодняшний день нет никаких достоверных данных, которые могли бы прояснить этот вопрос. Что это – «ошибка памяти» Фонтане?²⁵ Здесь в нашем знании – провал, непроходимая граница, и недостающие звенья в цепи переосмыслений «нигилизма» не могут быть восстановлены.

Итак, обратиться к Иному означает найти «свое» – определить его, выявить до-рассудочные установки научного сознания, которыми, их не рефлектируя, оно бездумно пользуется. Нужно поставить под вопрос все понятия науки, выступающие для нее «ключевыми словами» – они и преграда, как говорит Михайлов, и одновременно условие для нашего знания. «Нигилизм» – может быть, главное из них, поскольку его суть – безоглядная вера в «свое». «Безосновное самополагание» реализуется в том, что «человек полагает себя как свой особый самодостаточный и самозамкнутый мир»²⁶ – мир вне чего-либо Иного, в то время как такое миропонимание есть лишь преходящая и временная форма самоистолкования культуры во второй половине XIX века, и никакой другой. Мы не можем ей следовать, существуя в другой истории и в другой эпохе. «Основа» для человеческого самополагания необходима, и она находится в истории и диктуется историей – в свете нашего современного опыта, историей, которую «мы не знаем». Потому «ключевое слово» культуры действительно дает ключ – но не к истории, а

к нам самим, ключ к решению задачи самоосмысления науки. Раз он находится в самой истории и нигде больше, то «История», видимо, – исходное, изначальное «ключевое слово культуры».

¹ Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы // Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». М., 2001. С. 224–279.

² Бочаров С.Г. Огненный меч на границах культур // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 7.

³ Аверинцев С.С. Путь к существенному // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 9.

⁴ Михайлов А.В. Вместо введения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. XLVIII.

⁵ Michailow A. Martin Heidegger in unserer Zeit // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. S. 303.

⁶ Михайлов А.В. Актуальные проблемы современной теории литературы // Контекст-1993. М., 1996. С. 8.

⁷ Michailow A. Martin Heidegger in unserer Zeit. S. 310.

⁸ Ibid. S. 311.

⁹ Ibid. S. 311.

¹⁰ Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы. С. 229–230.

¹¹ Michailow A. Martin Heidegger in unserer Zeit. S. 312.

¹² Ibid. S. 314.

¹³ Михайлов А.В. Из истории «нигилизма» // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 538.

¹⁴ Михайлов А.В. Терминологические исследования А.Ф. Лосева и историзация нашего знания // Михайлов А.В. Обратный перевод. М., 2000. С. 485–497.

¹⁵ См. раздел «Ведущие гуманистические понятия» в кн.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 50–85.

¹⁶ Тезис Михайлова о нигилизме как безосновном самополагании показывает, насколько существен был для него опыт Хайдеггера, у которого в работе «Европейский нигилизм» рождение нигилизма связывается с «*cogito ergo sum*» Декарта. В послесловии к сборнику своих переводов Хайдеггера Михайлов говорит о позиции «*cogitor ergo sum*» как единственно оправданной. Страдательное причастие сразу меняет характер мыслительной установки от самоутверждения на направленность к Иному: «мыслюсь, значит, существую; если через меня мыслит нечто, то я есть».

¹⁷ Михайлов А.В. Из истории «нигилизма». С. 542.

¹⁸ Там же. С. 611.

¹⁹ Там же. С. 538.

²⁰ Там же. С. 538–539.

²¹ Там же. С. 544.

²² Там же. С. 576.

²³ Там же. С. 585.

²⁴ Михайлов А.В. Отдельные положения о сферах непостижимого, или непостижимости // Литературоведение как проблема: Труды Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». М., 2001. С. 275–279.

²⁵ Михайлов А.В. Из истории «нигилизма». С. 579.

²⁶ Там же. С. 605.